

**СЛАВЯНО-РУССКОЕ
ЮВЕЛИРНОЕ
ДЕЛО
и его истоки**

Санкт-Петербург
2010

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for the History of Material Culture

Slavic and Old Russian Art of Jewelry and its roots

Materials of the International Scientific Conference
dedicated to the 100th anniversary
of Gali Korzukhina's birth

St. Petersburg, 10–16 April 2006

Publishing House "Nestor-Historia"
St. Petersburg
2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

Славяно-русское ювелирное дело и его истоки

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
Гали Фёдоровны КОРЗУХИНОЙ

Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.

Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

УДК 904:671.1(4-11)
ББК 63.4-41(45)
С 48

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект № 08-01-16123д*

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН

Редакторы-составители: *А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин*

С 48 Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны КОРЗУХИНОЙ (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). — СПб. : Нестор-История, 2010. — 624 с., ил.

ISBN 978-5-98187-508-3

Предлагаемое издание основано на материалах международной научной конференции «Ювелирное дело Древней Руси и его истоки», проведенной в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке РГНФ в апреле 2006 г. и посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. В сборник вошли статьи участников конференции из ведущих научных и музейных центров России, Украины, Белоруссии, Молдовы, а также Болгарии, Великобритании, Польши, Румынии, Швеции. В нем собраны новейшие исследования в области изучения художественной культуры Древней Руси IX–XIII вв. и ее истоков, направленные на решение проблем становления и развития различных отраслей ювелирного дела и художественного ремесла, рассматриваемых в общеевропейском контексте. Значительная часть статей представляет собой публикации новых принципиально важных находок, происходящих из раскопок последних лет или из архивных изысканий.

Сборник открывается блоком статей, посвященных жизненному и творческому пути Г.Ф. Корзухиной. Рубрикация содержания сборника в основном связана с ее научными интересами, что позволяет оценить современное состояние проблем, поставленных или актуализированных более полувека назад.

**УДК 904:671.1(4-11)
ББК 63.4-41(45)**

Подготовка иллюстраций *В.Я. Стеганцевой*

ISBN 978-5-98187-508-3

9 785981 875083

© Коллектив авторов, 2010
© Институт истории материальной культуры РАН, 2010
© Издательство «Нестор-История»

ВЕЩИ СЛАВЯНСКОГО ОБЛИКА НА САЛТОВСКИХ ПАМЯТНИКАХ ВЕРХНЕГО ПОДОНЕЧЬЯ

Бассейн Северского Донца и Оскола рассматривается большинством исследователей как район, где наиболее показательно прослеживаются контакты позднепеньковского и салтовского населения (Афанасьев 1987: 168–187; Любичев 1994: 88–91). Здесь известно несколько салтовских погребальных комплексов, в которых присутствуют вещи славянского облика.¹

В *катакомбе № 21* Старо-Салтовского могильника, в левой части грудной клетки женского костяка была обнаружена частично поврежденная в древности, но использовавшаяся по назначению, бронзовая антропо-зооморфная фибула (рис. 1: 1). Аналогичные фибулы, украшенные протомами коней, характерны для памятников пеньковского круга, и время их бытования не выходит за рамки VII в. (Амброз 1993: рис. 3: 24–26; Приходнюк 1998: рис. 10: 23, 24). Находка подобной фибулы в закрытом комплексе салтовской культуры — явление уникальное, хотя ранние вещи в салтовских захоронениях не редкость (Плетнева 1989: 111, 162; Михеев 1986: 168). Погребальный инвентарь, обнаруженный в катакомбе № 21, позволяет в целом датировать ее второй половиной VIII в. В катакомбе содержалось парное захоронение (мужчина и женщина). Первоначально в камеру было помещено тело мужчины, а спустя некоторое время к нему была подзахоронена умершая женщина. При этом костяк мужчины оказался несколько сдвинут к боковой стенке камеры, но сохранился его анатомический порядок. Поясной набор (пряжка византийского типа, штампованные бляшки) (рис. 1: 7–9), сопровождавший мужчину (Аксёнов 1999: рис. 7: 24–26), показывает, что захоронение было совершено в 40–50 гг. VIII в. (Гавритухин 2005: рис. 1: 104–106). Салтовский поясной набор (рис. 1: 2–5), сопровождавший погребенную в этой же катакомбе женщину с антропо-зооморфной фибулой пеньковского типа, позволяет датировать погребение 750–770 гг. (Гавритухин 2005: рис. 1: 100–102; Комар 1999: табл. 4: 131–133).

В *катакомбе № 42* Верхне-Салтовского могильника (раскопки В.Г. Бородулина 1986 г.) на женском костяке № 2 в области груди была найдена бронзовая трапециевидная подвеска с тремя пробитыми в верхней части отверстиями для подвешивания (рис. 1: 10). Боковые стороны подвески были украшены рубчатой каемкой, в нижней части подвеска орнаментирована широкой каймой из трех рядов тисненых мелких бусин. Подвески подобного типа встречены в Хацках, Новой Одессе, Козиевке, Судже, на ряде других пеньковских памятников (Корзухина 1996: табл. 22: 15–22; 45: 10–13; 53: 13, 14; 67: 1–5; 78: 3). К сожалению, в данной катакомбе отсутствовали узко датируемые вещи. Однако, общий облик инвентаря, наличие в его составе коромысловидной копоушки с петлей для подвешивания (рис. 1: 11) (тип 2 по С.А. Плетневой), типологический состав бусинного материала, позволяет датировать данный комплекс второй половиной VIII — серединой IX в. Выше названные вещи характерны для ранней группы катакомбных захоронений Дмитриевского могильника (Плетнева 1989: 157, 158), погребений других могильников верхнего Подонцовья (например: катакомба № 21 Старо-Салтовского могильника) (Аксёнов 1999: рис. 7: 13).

¹Хочу выразить свою признательность В.Г. Бородулину и В.К. Михееву за возможность ознакомиться с материалами их раскопок.

В катакомбе № 24 Верхне-Салтовского могильника (раскопки В.Г. Бородулина 1984 г.) была обнаружена литая трапецевидная подвеска размером 2,5–3,0 x 2,5 см с ушком для подвешивания (рис. 1: 12). Вдоль края подвески идет рубчатая каемка, оконтуренное каемкой поле подвески украшено девятью (три ряда по три) солярными знаками в виде круга диаметром 4 мм с точкой внутри. Подобные подвески с солярной символикой, но квадратной формы и вырезанные из пластины, происходят из Козиевки и Новой Одессы (Корзухина 1996: табл. 45: 9; 52: 1–4). Сближает данную подвеску с изделиями пеньковского времени использование для ее получения свинцово-оловянного сплава (Егорьков, Щеглова 2000). Камера катакомбы № 24 содержала коллективное захоронение (трое взрослых, двое детей). Из захоронения происходят элементы поясной гарнитуры, которые позволяют достаточно хорошо датировать данную катакомбу. Так, здесь найдены штампованные бляшки подквадратной формы, в нижней части которых имеется имитация прямоугольной петельки (рис. 1: 16). Данные изделия являются подражением литым бляшкам, происходящим из комплексов предсалтовского времени (Комар 1999: табл. 3: 20). Поле бляшек украшено тисненым орнаментом, аналогичным орнаменту, отмеченному на бляшках из ранней катакомбы № 143 Дмитриевского могильника (Плетнева 1989: рис. 86). Штампованные бляшки разной формы с имитацией прямоугольной петли для подвешивания в нижней части характерны в основном для комплексов раннесалтовского времени (горизонт I / II по А.В. Комару) (Комар 1999: табл. 4: 12, 13, 15, 16). Это позволяет датировать катакомбу № 24 Верхне-Салтовского могильника 760–790 гг. (Гавритухин 2005: рис. 1: 116; Комар 1999: табл. 4: 131–133). Не противоречат такой датировке комплекса обнаруженные здесь же штампованные бляшки (рис. 1: 15), являющиеся подражением подкововидным бляшкам с округлыми расширениями на концах и посередине дуги, встречающимися в памятниках 710–740 гг. (Гавритухин 2005: рис. 1: 166, 219, 220, 264, 266). Обнаруженные в катакомбе № 24 литая копоушка с фигурной ручкой в виде цепочки из колец (рис. 1: 13) и поясной разделитель на три ремешка, концы которого украшены стилизованными бутонами лотоса (рис. 1: 14), только подтверждают нашу датировку комплекса.

Из урнового *трупосожжения* № 29 могильника Сухая Гомольша происходит круглая подвеска диаметром 5,0 см, вырезанная из бронзовой пластины вместе с ушком, загнутым назад и образующим петлю для подвешивания (рис. 1: 17). В центре подвески — двенадцать тисненых полусфер, композиционно составляющих ромб, внутри которого, находится еще одна тисненая полусфера, но несколько большего размера. По краю подвески идет широкая кайма из трех рядов тисненых мелких бусинок. Ближайшими аналогиями данной подвеске являются подвески Пастырского клада 1949 г., изготовленные из низкопробной серебряной пластины (Корзухина 1996: табл. 27: 1–3). Датировается данное погребение по входящим в его состав двум бронзовым поясным бляшкам (рис. 1: 19). Это листовидной формы бляшки, нижний край которых оформлен в виде неподвижной петельки для подвешивания. Поле бляшек украшено орнаментом в виде нераспустившегося цветка лотоса, который соответствует начальному этапу освоения салтовскими мастерами лотосовидного орнамента (горизонт II по А.В. Комару), датированному концом VIII — началом IX в. (Комар 1999: табл. 4: 131–133; Фоянова 1986: 45, рис. 4: 2, 5). Не противоречит такой датировке нашего комплекса и обнаруженная в данном погребении ворворка в виде усеченной четырехгранной пирамиды (рис. 1: 18). На территории Крыма аналогичные изделия характерны для комплексов второй половины VIII в. (Айбабин 1993: рис. 2: 25, 123–124, 126).

В ямной *кремации* № 54 того же Сухогомольшанского могильника была обнаружена бронзовая подвеска-ворворка в виде полого усеченного конуса высотой 1,5 см, меньший диаметр — 0,5 см, больший диаметр — 2,6 см (рис. 1: 20). По нижнему краю проходит ряд мелких вертикальных насечек. Аналогичные изделия происходят из Козиевского и Гапоновского кладов, из погребения у с. Смородино (Корзухина 1996: табл. 46: 11–18; 54: 15–28; 60: 8–11; Гавритухин, Обломский 1996: рис. 33: 7–65). Время совершения данного погребения определяется по обнаруженным в захоронении поясному наконечнику (рис. 1: 23), поясной бляшке (рис. 1: 22) и бронзовому чумбурному блоку (рис. 1: 21). Бляшка представляет собой обычную литую прямоугольную рамку, наконечник — прямоугольной формы пластину, один край которой закруглен, на другом имеются два пятиугольной формы выступа для крепления его к кожаной основе. Края наконечника оформлены в виде слегка выпуклого гладкого бордюра. И наконечник, и поясная бляшка имеют облик, характерный для вещей горизонта II по А.В. Комару (Комар 1999: табл. 4: 131–133), и, следовательно, могут быть датированы концом VIII — началом IX в. Чумбурный блок, обнаруженный в данном захоронении, представлен типом, хорошо известным в салтовских древностях, однако центральная часть изделия оформлена в манере, не свойственной «классическим» салтовским древностям. Так, отверстие в фигурной рамке блока помещено в центр восьмилепестковой розетки. Подобный орнамент был обнаружен на бронзовом кистене из раннеболгарского кургана в Среднем

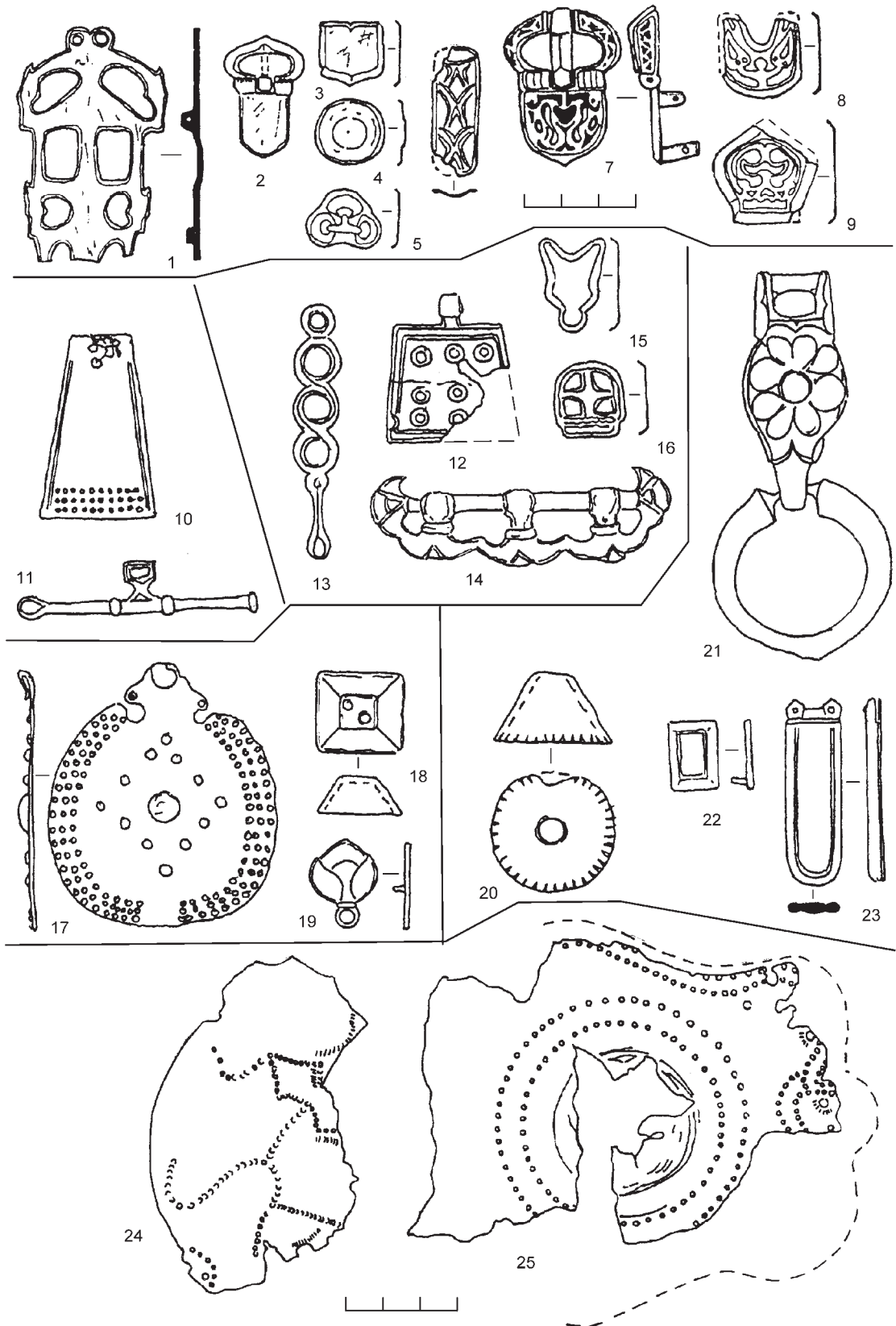

Рис. 1. Вещи славянского облика на салтовских памятниках верхнего Подонечья: 1–9 — Старо-Салтовский могильник, катакомба № 21; 10–16 — Верхне-Салтовский (основной) могильник: 10–11 — катакомба № 42, 12–16 — катакомба № 24; 17–25 — Сухогомольшанский кремационный могильник: 17–19 — погребение № 29, 20–23 — погребение № 54, 24–25 — погребение № 175, фрагменты конского начельника

Поволжье (к. 1, погр. 1, Брусяны III), датируемом второй половиной VII–VIII в. (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998: рис. 24: 7). Сочетание в чумбурном блоке из погребения № 59 типичной для «классических» салтовских изделий формы с орнаментом, встречаемым на вещах предсалтовского времени, указывает на переходный характер данной вещи.

Таким образом, по погребальному инвентарю захоронения № 29 и 54 могильника Сухая Гомольша датируются концом VIII — началом IX в.

В совершенно не свойственном для салтово-маяцких древностей стиле оформлен конский начельник (рис. 1: 25) из кремационного *погребения № 175* могильника Сухая Гомольша. На сохранившемся фрагменте начельника нанесен точечный чеканный орнамент в виде двух параллельных линий, по-видимому, идущих вдоль края изделия. Место соединения трубочки султана с пластиной начельника украшено двумя линиями точечной окантовки. Орнамент нанесен пробойником с оборотной стороны изделия. При этом на оборотной стороне образовывались луночки, а на лицевой стороне — небольшие круглые выпуклости.

Аналогичную по стилю и по техническому исполнению орнаментацию мы видим на двупластинчатых антропоморфных фибулах с Пастырского городища (Приходнюк 1994: 65, рис. 4; Приходнюк 1998: 95, рис. 3), на антропоморфных фибулах из кладов первой половины VIII в. из Самгородка, Зайцева, Харивки (Щеглова 1990: рис. 9, 12, 13), на фибулах Ивахниковского клада (Макаренко 1908: табл. II: 8) и фибулах из Песчанки и Салтова (Амброс 1993: 182, рис. 3: 37; Приходнюк 1998а: рис. 10: 29), датируемых концом VIII — началом IX вв. Таким же тисненым орнаментом украшены пластины круглой, прямоугольной или трапецевидной формы, входившие в состав Пастырского клада 1949 г., в клады из Новой Одессы, Козиевки и Суджи (Корзухина 1996: 617, табл. 27: 1–3; 635, табл. 45: 9; 643, табл. 53: 3, 4, 8–10; 657, табл. 67: 1–5). Подобный орнамент отмечен на бронзовой пластинчатой подвеске из захоронения первой половины VIII в. (№ 59) могильника Мокрая Балка (Ковалевская 1996: рис. 6: 6).

Частью начельника, вероятно, является и обнаруженная в погребении № 175 бронзовая пластина, поле которой украшено сложным чеканным орнаментом в виде причудливо изогнутых линий (рис. 1: 24). Отчетливо видна вертикальная линия, заканчивающаяся на одном конце волутой, усложненной отрезком. На втором конце вертикальная линия переходит в сложную остроконечную восьмеркоподобную фигуру, также усложненную двумя изогнутыми отрезками. Орнамент выполнен оттиском пуансона, поставленного под углом к пластине, о чем свидетельствуют оставшиеся на металлической пластине следы в виде полукруга, образующие изогнутые линии орнамента. Стилистически узор на пластине начельника близок орнаменту, нанесенному на некоторые элементы поясного набора из Мартыновского клада второй половины VII в. и Хацковского клада (Корзухина 1996: 603, табл. 13: 5, 609, табл. 19: 9, 10, 13–18, 612, табл. 22: 7–11), на пластине из Мощинского клада (Седов 1982: 81, табл. XV). Различия в технике нанесения орнамента на детали поясного набора из Мартыновки и Хацков, с одной стороны, и начельника из Сухой Гомольши, с другой, объясняются характером самих изделий. Детали пояса из Мартыновского и Хацковского кладов массивные, литые, поэтому орнамент на них нанесен врезными линиями, начельник же выполнен из тонкой бронзовой пластины, что и обусловило применение техники чеканки (тиснения). В такой же технике выполнен тамгообразный знак и на пластине из Мощинского клада. В целом же сходство орнамента на этих разновременных вещах несомненно.

Все выше сказанное позволяет датировать и начельник, и само погребение № 175 Сухой Гомольши рубежом VIII–IX вв. Остальной инвентарь данного захоронения (Михеев 1985: рис. 11: 1–20) не противоречит предлагаемой датировке.

В знаках, изображенных на пластине из погребения № 175, ряд исследователей склонен видеть сарматские или тюркские тамги (Рыбаков 1953: 96; Приходнюк, Шовкопляс, Ольговская, Струина 1993: 76). А вещи, на которые они нанесены, обнаруженные в районах распространения пеньковских древностей, граничащих со степью, рассматриваются как факт влияния на славянское население культуры тюркоязычных кочевников третьей четверти I тыс. н. э., которые внедрялись в среду последних (Приходнюк 2000: 156). Культурное влияние, по-видимому, все же было обоюдным. Вещи, выполненные славянскими ремесленниками, попадали и к их степным соседям.

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что общее оформление рассмотренных нами изделий, техника нанесения орнамента косвенно свидетельствует о связи населения, оставившего данные салтовские комплексы, с носителями ремесленных традиций племен Днепровского Левобережья предшествующего времени (финальный этап существования пеньковской культуры). В «классических» салтовских древностях подобные изделия достаточно немногочисленны, а точечный тисненый орнамент встречается на вещах второй половины VIII — начала IX в. Это ложечка с пластинчатой рукояткой и

позолоченные наконечники пояса из Старо-Салтовского катакомбного могильника (Аксёнов 1999: 141, 144, рис. 3: 21, 24, 25), двучастные туалетные коробочки, предшествующие по времени так называемым «самоварчикам» (Аксёнов 1999: рис. 3: 18, 4: 33), щиток поясной пряжки из комплекса № 2 второй половины VIII в. у с. Новая Покровка (Кухаренко 1951: рис. 34). Поэтому попадание вещей славянского облика в салтовские комплексы следует связывать с той политической ситуацией, которая сложилась в конце VII — середине VIII в. на границе степи и лесостепи в Днепро-Донском междуречье.

Начавшийся еще в третьей четверти I тыс. н. э. процесс проникновения в славянскую среду (пеньковская культура) выходцев из степного тюркоязычного населения (с последующей их ассимиляцией) продолжился в конце VII или начале VIII в. в связи с оттоком из степи в лесостепные районы Днепро-Донского Левобережья отдельных болгарских родов (после разгрома Великой Болгарии Кубрата хазарами) (Сухобоков 1999: 36). Расселившись здесь компактной группой среди славян, также вынужденных сопротивляться хазарской экспансии, болгары становятся своего рода консолидирующим элементом северянского окружения, материальным свидетельством чего является мощный культурный импульс, который наиболее выразительно проявился в вольтинцевских древностях (Сухобоков 1998: 42; Сухобоков 2004: 163). С распространением, пусть даже номинальной, власти хазар на пограничные со степью районы Днепро-Донского лесостепного Левобережья, что выразилось в выплате дани хазарам тремя славянскими племенными объединениями, население данного региона, представленное славянами, болгарскими, сармато-аланами, уграми, принимает участие в формировании салтово-маяцкой археологической культуры Подонья. Пример такого культурного симбиоза мы и видим в рассматриваемых захоронениях.

Преобладание среди рассматриваемых предметов вещей, связанных с женским костюмом, указывает путь попадания их в салтовскую среду — через брачные отношения. Пришедшие в начале VIII в. в верхнее Подонцовье аланы и праболгары, вероятно, в большинстве своем неженатые молодые мужчины, брали себе в жены представительниц местного населения. Присутствие же среди рассматриваемых вещей предметов, связанных с экипировкой коня воина-всадника (ворворка из погребения № 54, начальник из погребения № 175 могильника Сухая Гомольша), позволяет предположить нахождение в составе салтовских воинских отрядов выходцев из местной среды («вольтинцевцев»-славян, болгар, сармато-алан). Присутствие же в войске хазарского кагана славянских вооруженных отрядов подтверждается данными письменных источников (Новосельцев 1990: 121).

Таким образом, обнаружение в закрытых салтовских комплексах второй половины VIII — начала IX в. вещей славянского круга, подтверждает тезис о симбиозе в бассейне Северского Донца местного населения (славян и сармато-алан) с представителями пришлых этносов (аланами и праболгарами). Вместе они и создали такое яркое явление как салтово-маяцкая археологическая культура.

Литература

- Айбабин 1993 — *Айбабин А.И.* Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III. 1993.
- Аксёнов 1999 — *Аксёнов В.С.* Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. № 2. Київ, 1999.
- Амброз 1993 — *Амброз А.К.* К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул // РА. № 2. 1993.
- Афанасьев 1987 — *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // *Археологические открытия на новостройках*. Вып. 2. М., 1987.
- Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998 — *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков татар Волго-Камья. Самара, 1998.
- Гавритухин 2005 — *Гавритухин И.О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) // *Хазары*. М.; Иерусалим, 2005.
- Гавритухин, Обломский 1996 — *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Егорьков, Щеглова 2000 — *Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей антов» // *Археометрия та охорона історико-культурної спадщини*. Вип. 4. Київ, 2000.
- Ковалевская 1996 — *Ковалевская В.Б.* Проблемы математической обработки археологического материала VI—IX вв. (по материалам Кавказа) // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара, 1996.

- Комар 1999 — *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antiqua*. № 2. Київ, 1999.
- Корзухина 1996 — *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Вып. V. 1996.
- Кухаренко 1951 — *Кухаренко Ю.В.* О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. XLI. 1951.
- Любичев 1994 — *Любичев М.В.* Контакты славян Днепро-Донского междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII — начале VIII вв. // *Древности 1994*. Харьков, 1994.
- Макаренко 1908 — *Макаренко Н.Е.* Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды ПУАК. Полтава, 1908.
- Михеев 1985 — *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Михеев 1986 — *Михеев В.К.* Сухогомольшанский могильник // СА. № 2. 1986.
- Новосельцев 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Плетнева 1989 — *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Приходнюк 1994 — *Приходнюк О.М.* Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // *Археологія*. № 3. 1994.
- Приходнюк 1998а — *Приходнюк О.М.* Пастирський скарб 1992 року // *Археологічний літопис Лівобережної України*. № 1–2. Полтава, 1998.
- Приходнюк 1998б — *Приходнюк О.М.* Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // *Археологія*. № 3. 1998.
- Приходнюк 2000 — *Приходнюк О.М.* Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и археологических источников) // МАИЭТ. Вып. VII. 2000.
- Приходнюк, Шовкопляс, Ольговская, Струина 1993 — *Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А.* Мартыновский клад // МАИЭТ. Вып. III. 1993.
- Рыбаков 1953 — *Рыбаков Б.А.* Древние русы // СА. Т. XVII. 1953.
- Седов 1982 — *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Сухобоков 1998 — *Сухобоков О.В.* Этнокультурная история Левобережной Украины I — начала II тыс. // *Археологія*. № 2. 1998.
- Сухобоков 1999 — *Сухобоков О.В.* До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян // *Археологія*. № 2. 1999.
- Сухобоков 2004 — *Сухобоков О.В.* Тюркомовні народи в історії населення лівобережнодніпровської лісостепової України (археологічний аспект) // *Хазарський альманах*. Т. 3. Харьков, 2004.
- Фонякова 1986 — *Фонякова Н.А.* Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. // СА. № 3. 1986.
- Щеглова 1990 — *Щеглова О.А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.